

А-Нин потуже затянул узел на свёртке и вскарабкался на крупного коня. Пережитое в пути изменило его душу — он повзрослел, стал рассудительнее. Да и сам похудел: детская пухлость сбежала с лица, обнажив острый подбородок. Теперь он напоминал молодую иву, тронувшуюся весной в рост, — вытянутый и гибкий.

В предрассветной мгле отряд покинул город Цуйцю. У ворот беженцы, разбуженные конским ржанием, с трудом поднимали тяжёлые веки. Смутно, сквозь пелену тумана, они разглядели всадников, что словно на крыльях ветра умчались вдаль, скрывшись за поворотом горной тропы.

...

Поначалу по дороге ещё попадались беженцы, но через несколько дней их стало меньше. Наконец встретили измождённую семью — пятерых в лохмотьях. Охранник подъехал расспросить. Глава семьи, молодой ещё мужчина, сказал: «Слышали, будто в Цуйцю ворота не откроют, пойдёшь — только зря с голоду помрёшь в лесу. Вот все и потянулись в город Саньшуй, там, говорят, хлеб есть».

Не поесть — верная смерть, а восстать — шанс выжить есть. Когда человек в отчаянии, и единственная его мечта — «остаться в живых», ему не до мыслей о том, пролилась ли чужая кровь за тот хлеб, что в Саньшуйе, и были ли среди перебитых им чиновников и солдат невинные.

Смутное время калечит не только порядки, но и души. Лю Сюаньань сказал А-Нину: «Сейчас здесь всего одна семья, толпы не соберётся. Дай им поесть».

А-Нин достал из свёртка несколько сухих лепёшек, завернул и протянул молодому человеку: «Цуйцю в ближайшее время не откроется, и у горожан лишнего зерна нет. Этой еды вам должно хватить до города Ваньхэ — там дела получше».

Тот остолбенел, словно во сне, а его жена утирала слёзы. А-Нин снова наказал: «Спрячьте еду, не ешьте при всех. И ни в коем случае не делитесь с другими беженцами из жалости — ни им не поможете, ни себя погубите».

Семья поклонилась в ноги и побрела дальше по горной дороге.

Лян Шу спросил Лю Сюаньаня: «Ты его научил?»

Лю Сюаньань покачал головой: «Не надо учить».

«Верно, — согласился Лян Шу. — В мирные-то времена в богатых семьях и глупых сынков растить можно. А в смуту, разок-другой столкнёшься с людской подлостью — и вся невинность как рукой снимет».

Лю Сюаньань сначала сказал: «Выходит, вся жизнь Вашего Высочества — чтобы в Великой Янь побольше дураков развелось?» Потом подумал и добавил: «Хотя и неплохо бы. Если не отъявленные злодеи, а так, мелкие шалопаи-бездельники, что только птиц гоняют да сверчков дразнят, — это ж и есть признак «процветания».

Ведь коли уж настало процветание, народу и впрямь положено бездельничать. Лян Шу, выслушав, и вправду подумал, что столичные молодые господа, что собак дразнят да кур крадут, стали от этих слов как будто милее. Разумеется, лупить их всё равно придётся — а потом снова отпускать, пусть служат живым украшением мирных времён.

В тот день в горах они встретили девочку — грязную, тощую, как обезьянка, только глаза большие да ясные. А-Нин умыл ей лицо, дал поесть. Сначала решил, что это ребёнок беженцы бросили, и ломал голову, куда её пристроить. Но тут из леса выбежала женщина, схватила девочку за руку и потащила прочь.

— Тётя, постойте, мы не злодеи! — закричал А-Нин. — У дочки нога вывихнута!

Охранник перехватил обеих. Женщина тряслась от страха. А-Нин долго уговаривал её ласково, пока та не пришла в себя. Заикаясь, женщина рассказала, что они из деревни Сяочжао. Несколько дней назад в деревню ворвались солдаты — требовали провиант для армии, многих убили. Оставшимся пришлось прятаться в глухих лесах.

Гао Линь скверно выругался. Дело ясное: либо беженцы под видом солдат грабят и убивают — и это провал Люй Сяна. Либо это и впрямь солдаты, что пользуются смутой, чтобы безнаказанно грабить и набивать карманы, — и это тоже провал Люй Сяна.

По словам женщины, те солдаты, обобрав деревню, не ушли, а остались в Сяочжао. Недавно самые отчаянные из молодых парней ходили посмотреть — они всё ещё там.

Лю Сюаньань сказал: «Если ехать дальше, спуститься с этого перевала — там и будет Сяочжао. Добраться можно до полуночи».

— Поехали, — Лян Шу развернул коня. — Посмотрим, что это за твари такие.

А-Нин украдкой взглянул на лицо князя и подумал... что жить тем разбойникам осталось, самое большее, до полуночи.

Перевязав девочке ногу, он поспешил вслед за остальными.

Лю Сюаньань и А-Нин уже неплохо держались в седле и не сдерживали отряд. Глубокой ночью они добрались до деревни Сяочжао. У въезда развевался наглый флаг с эмблемой армии Великой Янь. Несколько солдат похаживали взад-вперёд, охраняя яркий костёр, возле которого на столе стояли вино и мясо — согреться, видимо. Один отодвинул стул, уселся, оторвал кусок мяса с костью, отгрыз пару раз — видно, не понравилось — и швырнул собаке.

Та дёрнулась на цепи, угли костра рассыпались, горящая головня покатила по земле, осветив другой угол. Лю Сюаньань прищурился и разглядел: на другом конце цепи к столбу привязан человек. Лежит ничком, не шевелится, волосы всклокочены, а на теле тёмно-бурые пятна — будто засохшая кровь.

Почуввав запах мяса, тот с трудом поднял голову, посмотрел на собаку. Солдаты гоготали, нарочно кинули псу ещё кусок, а человека придавили ногой к земле, дёрнули за волосы, заставляя отбирать еду у пса.

— Жри! Ты ж голодный, жри! — издевались они, замахаясь кнутом. Но только подняли руку — как хрустнуло, и солдат с воем повалился навзничь.

— Твари вы конченные, — процедил Гао Линь, окидывая взглядом эту шайку. — И не знал я, что в армии Великой Янь такое водится.

— Кто вы такие? — солдаты насторожились, схватились за мечи. Вид у незваных гостей был богатый, не простолюдины, потому они не кидались сразу, а только предупредили:

— Мы из отряда «Доблесть» под началом господина Цзяна, провиант для армии собираем. Не суйтесь не в своё дело.

— Господин Цзян... Цзян Тао или Цзян Чжунци?

— Н-нет... Цзян Вэй.

— Чинуша мелкий, имени которого князь и не слыхивал, а вы, нечисть, народ притеснять вздумали, — Гао Линь распался. Кивнул своим:

— Вызволяйте парня. А-Нин, видя, что тот изголодался, оторвал со стола кусок мяса, но юноша стиснул губы, отворачиваясь:

— Это... моя собака. Они её убили.

А-Нин замер, сердце сжалось. Он убрал мясо и побежал к повозке за другой едой.

Лю Сюаньань дал юноше попить, а Гао Линь тем временем уже раскидал солдат, очищая дорогу. Лян Шу вошёл в деревню. Шум и крики разбудили остальных — те высыпали, ещё сонные, и были тут же скручены охраной из резиденции князя Сяо. Всего тридцать шесть человек. При них нашлись бумаги, разрешения, аккуратная квадратная печать — выходило, и впрямь регулярная армия Великой Янь.

А оттого — ещё мерзей, чем беженцы-самозванцы. Те творили зло от безысходности, а эти, казённый хлеб жуя, казённый же народ обижали. Смерти бы им, подлецам.

В деревне нашли ещё пленников — в основном молодых женщин. Видно, мерзавцы ни одной мерзости упустить не хотели. Юноша оказался сыном старосты, по имени А-Юн. Он прикрывал бегство односельчан, остался задерживать бандитов — думал, сведёт счёты, но силы неравны оказались. И вот уже несколько дней его пытали.

Гао Линь пнул ногой корчащегося на земле солдата:

— Сколько таких отрядов, как ваш, разослали?

<http://bllate.org/book/16268/1464328>